

КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ СУЛЕНГУНСКИЙ

ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА

Андрей Силенгинский

Третья половина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18366717
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Фантастика далека от обыденных стандартов, эту простую истину автор сборника декларирует весьма оригинальным способом, поделив содержимое на три... половины. Фантастика научная, околонаучная и антинаучная. Но не только жанром различаются собранные здесь рассказы. Жестокие и лиричные, беззаботно-веселые и глубоко печальные, добрые и злые... Объединяет их попытка найти новые грани ответа на вопрос, что же такое Человек. Пусть даже внешне герои и близко человека не напоминают.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА	6
СПОКОЙНОЙ НОЧИ	6
ВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Силенгинский

ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА

Сборник фантастических рассказов

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Третья половина» – звучит нелепо, не так ли? А если открыть оглавление, то можно обнаружить, что и все рассказы распределены именно по трем половинам.

На это у меня есть единственное, но очень веское оправдание. Фантастика – штука такая, ей в тривиальных двух половинах ну никак не уместиться. Положа руку на сердце, ей и в трех-то тесновато. Но я изо всех сил старался уложиться. Что из этого получилось – судить вам.

Распределение рассказов по половинам, разумеется, достаточно условно. Некоторые вполне безболезненно можно было бы перетащить из раздела в раздел, а то и поместить во все три половины разом. Это я для того говорю, чтобы любители НФ в чистом виде не заканчивали знакомство с книгой после прочтения одной половины из трех, а их «идейные» противники не игнорировали эту часть книги.

После всего сказанного, полагаю, никто из читателей уже не удивится, найдя рассказ, поделившийся со всей книгой своим названием, не в третьей, а во второй половине...

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА (НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА)

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Нет, что ни говори, я – горожанин. Типичный. Хомо урбис, так сказать. Безусловно, я бы погрешил против истины, если бы стал утверждать, что не люблю природу. Люблю, конечно, люблю! У меня дома есть аквариум с рыбками и цветы на подоконнике. Все! Этого мне вполне достаточно, никогда не стоит брать от жизни больше, чем тебе действительно необходимо.

За каким таким дьяволом меня понесло в этот лес – не знаю. Это не оборот речи, я на самом деле не имею ни малейшего представления, что мне здесь надо. Что это за лес, как я сюда попал и как мне отсюда выбраться – на эти вопросы ответы также отсутствуют. Меня это почему-то не волнует. Пока. Я осматриваюсь.

Лес. Ну, как вам его описать? Лес и лес. Из деревьев состоит. Некоторые деревья хвойные, другие – лиственные, на этом мои познания в ботанике заканчиваются. Не надо требовать от меня слишком многого, последний раз я был в лесу в довольно далеком уже детстве. И особого восторга от того

посещения сквозь годы не пронес.

Как же я все-таки оказался в этом лесу? Этот вопрос постепенно занимает главенствующее место в моем сознании. По соседству расположилась мысль о том, что мне здесь очень не нравится. Очень. Все деревья высокие и жмутся друг к дружке так же тесно, как пассажиры общественно-го транспорта в час пик. От этого вокруг темно и мрачно. Мрачно – вот ключевое слово. И неудобно, наиболее нахальные из деревьев так и норовят залезть своими лапами, то есть ветками, мне в лицо. Особенно усердствуют в этом занятии хвойные. Елки или сосны – от злости я извлекаю из глубин памяти эти неведь как затесавшиеся там названия.

В общем, не нравится мне здесь. Так, это я уже говорил. Надо отсюда выбираться – вот свежая и здравая мысль! Начнем же двигаться в этом направлении. Кстати, о направлении. В какую сторону мне надо идти, если я понятия не имею, где у этого леса край? То есть, края-то, само собой, есть во всех направлениях, но где ближайший? Ответ на этот вопрос искать бессмысленно, сколько ни крути головой, пейзаж выглядит одинаково непривлекательно.

Пораскинув мозгами, я пришел к мудрому выводу, что, двигаясь куда угодно, я выберусь из леса с большей вероятностью, нежели стоя на одном месте подобно окружающим меня деревьям. Поздравив себя с принятием логичного и не противоречащего здравому смыслу решения, я начал пробираться вперед. То есть, в прямом смысле слова, куда глаза

глядят.

А глаза, между прочим, уже практически ничего не видят. Такое впечатление, что с каждым моим шагом деревья сдвигаются все теснее и теснее. Пожалуй... пожалуй, это не мое впечатление, а все так происходит на самом деле. Еще мину-ту назад я *шел* вперед. Раздвигая руками ветки, прикрываясь от тех из них, которые изо всех сил стремились хлестануть меня по глаза, но все же шел. Сейчас мне приходилось про-дираться сквозь непроходимую чащу, работая руками, нога-ми и всем телом, чтобы продвинуться хотя бы на метр.

Острый ум подсказал мне, что я, вероятней всего, выбрал не то направление. Значит, надо повернуть и идти в противо-положную сторону. Это я и сделал. Попытался сделать. Мне даже удалось развернуться на сто восемьдесят градусов. Не без труда, но удалось. А вот о том, чтобы пойти туда, откуда я только что пришел, не могло быть и речи – деревья, теперь уже исключительно хвойные, стояли сплошной стеной. Сле-ва, справа, сзади – та же картина. Ни малейшего просвета. Ветки лежат у меня на плечах, на руках, на голове. Они не дают мне даже поднять головы, чтобы увидеть кусочек неба.

И вот теперь мне становится жутко. Наверное, страх дол-жен был прийти немного раньше, но он обрушивается на ме-ня только сейчас, ледяным острым скальпелем вонзаясь в мой мозг. Ужас сковывает мое тело, парализует сознание, пьет из меня силы. Я начинаю дергаться из стороны в сто-рону, в моих судорожных движениях нет ничего осознанно-

го, подчиненного человеческому разуму. Скорее, так бьется муха, угодившая в паутину.

Но и деревья больше не считают необходимым притворяться статичными, лишенными разума созданиями. Ветки приходят в движение, работая на удивление четко и слаженно, они складываются в какие-то невероятно сложные пути, полностью лишив меня возможности пошевелиться.

Вдруг отчего-то становится светлее – я вполне явственно вижу две ветки с острыми сучьями на концах, движущиеся к моим глазам. Медленно, очень медленно.

Мои отчаянные конвульсивные движения ни к чему не приводят, держащие меня ветки обрели прочность титанового сплава. Я пытаюсь зажмуриться, но не могу – мои веки надежно удерживаются поднятыми вверх. Из груди рвется дикий звериный рев, но даже этого мне не позволено – горло сдавливают стальные тиски, и наружу выходит только kloкочущий хрип. Когда нацеленные в мои глаза шипы отделяют от моего лица всего два-три сантиметра, мне хочется потерять сознание. И, кажется, хоть это мне удастся...

Я лежу на мокрой от пота подушке. Впрочем, влага испаряется с поразительной скоростью – «Скаброни и сыновья» держат марку. Их фирменная ткань хоть немного, да облегчила жизнь нашему брату.

Лежу, смотрю в потолок и пытаюсь осмыслить, что происходит у меня голове. Спустя несколько секунд кавардак,

царящий там, уступает место спокойному течению мысли. Итак, что мы имеем? А имеем мы, прежде всего, конечно, облегчение. Но смешанное, как ни странно, с не очень уместным в данной ситуации разочарованием. Что ж это Хилл сегодня? Силы иссякли или фантазия истощилась? Или просто решил дать мне передохнуть? Тогда проще было вовсе не атаковать, а отдохнуть как следует самому – по новым правилам раз в десять дней найтмарер¹ может себе это позволить.

Что там у нас сегодня? Мне даже приходится напрягать память, чтобы вспомнить все атаки. Зыбучие пески, опускающийся потолок, лес этот дурацкий... Детский сад, честное слово! Упражнения для подготовишек.

Мастерство, правда, у моего соперника никуда не делось. Правильная расстановка акцентов, четкое ощущение реальности, точный расчет кульминационного момента... Все эти детали невозможно передать на словах или при ти-ви-трансляции, и зрители, по всей видимости, были разочарованы сильнее, чем я. Но все же и для меня эта ночь была не из самых сложных. А главное – я в этом уверен – не будет «послевкусия». Я не буду вздрагивать днем, вспоминая сегодняшние сны. Не буду опасно поднимать глаза вверх, словно боясь, что потолок начнет неумолимо двигаться вниз, стремясь раздавить меня в лепешку. Если бы мне пришлось сегодня зайти в лес, мой пульс несколько бы не участился. Что

¹ Nightmare (англ.) – кошмар, страшный сон. Nightmare – это также имя весьма неприятного мифического персонажа – ведьмы, душащей спящих людей.

же случилось с Хиллом? А может, правильней спросить так: что задумал Хилл? Плохо, что мне ни разу не приходилось встречаться с ним раньше – он настолько стремительно взобрался на высшие ступени найтмарерской элиты, что успел помериться силами еще не со всеми ее старожилками.

Я бросаю взгляд на таймер – полшестого утра, время сна – четыре сорок семь. Значит, я могу сегодня больше не спать, необходимый минимум – три часа – я выдержал. На этот раз без особого труда.

Ну, так и нечего валяться! Я вскакиваю с ненавистой кровати (хотя свои отрицательные эмоции в отношении невинной мебели я, естественно, хорошо контролирую) и со вкусом потягиваюсь.

Беглый взгляд на лежащий рядом с журнальным столиком шлем – индикатор, само собой, светится красным. Хилл сейчас, наверное, снимает шлем в своей кабине, за пятнадцать тысяч километров отсюда. О чем он в этот момент думает? Много бы я отдал, чтобы узнать это...

Отправляюсь на кухню, чтобы сварить себе кофе. Насыпаю несколько зерен в кофемолку и начинаю методично крутить ручку. Это – своеобразный ритуал, на самом деле я не думаю, что кофе, приготовленный вручную, чем-нибудь отличается от кофе, над которым те же самые действия произвели машины.

Сделав привычное число оборотов, высыпаю содержимое кофемолки в джезvu. И джезvu, и кофемолку я привез с со-

бой – в стандартный комплект кабины они, разумеется, не входят.

Немного погодя снимаю кофе с плиты – электрической, газ в кабину для меня никто не провел – и сажусь за стол. Включаю терминал в режиме ти-ви. Если внутренние часы меня не подводят, сейчас как раз должен начаться спортивный обзор по девятому каналу.

Оказывается, у меня внутри не часы, а хронометр, стоило экрану засветиться, как тут же послышались звуки заставки «9-спорт-9». Секунду спустя я получаю возможность насладиться ослепительной улыбкой Эльвиры Лоренц, самой обязательной ведущей девятого канала. И не только девятого, если вы меня спросите...

До чего красивая женщина! – мне требуется какое-то время, чтобы переключить сознание с созерцания ее обворожительного личика на осмысление того, что она говорит своим чарующим голосом.

С интересом выслушиваю результаты последних матчей футбольной Мировой лиги. Хотя, по большей части они меня огорчают, я люблюсь великолепным голом Платонеса, который со вкусом показывают из всех возможных ракурсов. Особенно забавен вид, снятый камерой, вмонтированной в его бутсу. Говорят, Платонес выложил сумасшедшие деньги за то, что в течение трех лет такие бутсы будут только у него. Впрочем, он их себе уже, наверное, вернул с лихвой.

Затем показывают теннис. Я морщусь. Вы не подумайте, я

ничего не имею против этой благородной игры. Я сам люблю в свободное время побегать по корту. Но – тут что-то вроде детской обиды – теннис могли бы показать после нас...

Ну вот, наконец:

– Продолжается полуфинальный матч чемпионата мира по найтмарингу между чемпионом Европы прошлого года Робертом Зенторой и Николасом Хиллом, занимавшим перед этим матчем в рейтинге ВАН только двенадцатое место. Как вы знаете, основные тридцать суток не выявили победителя, и сейчас идет предусмотренная правилами проведения чемпионата дополнительная пятнадцатидневка. Буквально несколько минут назад Николас Хилл закончил свою очередную атаку. Наше корреспондент взял интервью у ветерана найтмаринга, почти полвека назад победившего на первом чемпионате мира, легендарного Филипа Горинштейна.

Я слегка вздрогнул, когда на экране появилось доброе морщинистое лицо. Двадцать пять лет назад морщин было поменьше, а улыбался Филип так же по-доброму. Он тогда был уже на закате своей карьеры, а я, одержав несколько уверенных побед на любительском уровне, горел желанием попробовать свои силы в схватке с профессионалом.

Попробовал. Такие поражения никогда не забываются – Филип вынес меня за десять дней. У меня хватило благоразумия вовремя нажать на белую кнопку, иначе не избежать мне местечка в уютном санатории неподалеку от Майами. Там находят приют, обычно до конца своих дней, найт-

мареры, которые уже не способны различить сон и реальность, в чью жизнь ночной кошмар входит навсегда. Я слышал, недавно санаторий обзавелся новым корпусом.

Четверть века назад я не переступил эту грань. Эскулапы подправили мою слегка покосившуюся крышу, и я вернулся в спорт. Как ни странно, это поражение принесло больше пользы моей карьере, чем все предыдущие победы. Горинштейн отозвался обо мне весьма лестно, я попал в объективы телекамер, хороший тренер взялся обучать меня тонкостям мастерства. Я очень спешил, хватал все на лету, но все же не успел – Филип Горинштейн закончил свои выступления раньше, чем я достиг того уровня, когда мог бы попытаться взять реванш.

Я тряхнул головой, выбрасывая из нее нахлынувшие воспоминания, и сосредоточился на словах бывшего аса.

– Букмекерские конторы мгновенно среагировали на неожиданно слабую атаку Хилла. Еще вчера шансы соперников оценивались как примерно равные, сейчас же ставки принимаются два к одному против Хилла. Многие считают, что в матче наступил перелом.

– А каково ваше мнение? – живо поинтересовался корреспондент.

Филип не спешил отвечать. Пожевав губами, он снова вернул лицу обычное добродушно-улыбчивое выражение.

– Болельщикам я бы посоветовал не спешить кидаться ставить на Зентору. А самому Роберту – ни в коем случае не

терять бдительности и не верить в легкую победу, – казалось, его глаза смотрят прямо на меня.

– То есть, Вы считаете, слабость последней атаки Хилла – это какой-то тактический ход?

– Я считаю, что эта слабость не вытекает из логики всей предшествующей части поединка. Тактический ли это ход или что-то другое, я не могу сказать. Но я сильно сомневаюсь, что у Николаса вот так сразу, вдруг закончились силы.

– Значит, Вы ставите на Хилла?

– А вот на этот вопрос я отвечать не буду! Во всяком случае, бесплатно.

Филип издает негромкий смешок, которому вежливо вторит корреспондент.

Я выключаю терминал. Беру кофе – он уже почти остыл, а я так и не сделал ни глотка – и возвращаюсь в комнату. Кабины найтмареров стандартны во всем мире, Федерация, помешанная на равных условиях для участников, следит за этим очень строго. Комната три на четыре, кухня три на три, компактный санузел.

В комнате я не задерживаюсь, прохожу мимо стандартной кровати, стандартного кресла и стандартного столика. Иду к окну. Окна – единственные части кабин, которые не похожи друг на друга. Нет, сами-то они абсолютно одинаковы, но из каждого окна открывается свой вид. С этим уже организаторы ничего сделать не могут. Пытались было заменить окна обзорными экранами со стандартным пейзажем, но тот мы

пригрозили бойкотом. Редчайший случай, когда найтмареры действовали сообща. Вид из окна – единственное, если не считать терминала, что связывает нас во время игры с внешним миром, и только тот, кто хоть раз пробовал себя в этом нелегком спорте, поймут, как много это значит.

Вот поэтому у каждого найтмарера есть свои любимые кабины из тысяч, разбросанных по всему миру. Я при своей очереди выбирать почти всегда отдаю предпочтение Мальмё. Мне сложно объяснить, чем меня прельщает этот датско-шведский город. Может быть тем, что в отличие от многих других старинных европейских городов, он не напоминает постройку из детских кирпичиков. Может быть, тем, что спокойствие его жителей не переходит в сонливость, как в большей части Скандинавии. Вообще, во многих отношениях Мальмё – удачный компромисс. В том числе и в том, что касается климата. Не выношу ни жары, ни холода. Смешно, наверное, говорить о погоде, когда не имеешь возможности выйти на улицу, но для человека с живым воображением неприятно даже просто смотреть на изнывающих от зноя или кутающихся в шубы прохожих.

За двенадцать часовых поясов отсюда в точно такой же кабине вот уже сорок дней живет мой оппонент, двадцатидвухлетний Николас Хилл. Приятный парень, мне доводилось с ним общаться и раньше – я познакомился с ним год назад – и перед нашим матчем. Неглупый (это, кстати, для найтмарера не так уж важно), флегматичный (а вот это почти

незыблемое правило – холерики и меланхолики до вершин профессионального найтмаринга добираются крайне редко), с открытым лицом и прямым взглядом. Но как бы не был он мне симпатичен до матча, после я его возненавижу. Это не зависит ни от меня, ни от него, ни от исхода матча. Найтмареры не дружат между собой. Не имеют физической возможности. Найтмаринг – самый индивидуальный вид спорта из всех, придуманных человеком. И один из самых жестоких.

Этот чемпионат должен быть моим. Так считали все специалисты, в этом был уверен я сам. Излишняя самоуверенность может навредить, но недостаточная вера в себя навредит без всяких «может». В первом туре и четвертьфинале у меня не было особых проблем – возможно, соперники тоже считали, что этот чемпионат – мой и заранее смирялись с поражением, не оказывая сколько-нибудь заметного сопротивления. Один не смог заснуть на пятнадцатый день, второй нажал на белую кнопку днем раньше.

Хилл шел со мной ноздря в ноздю. Если верить статистике (а почему бы ей не верить?), он даже спал в среднем больше, чем я – это раздражало. И его атаки были весьма опасны – если не брать во внимание сегодняшнюю ночь. Горинштейн прав, маловероятно, чтобы это был резкий упадок сил. Но что тогда?

Следующие несколько часов я провел в полудреме, развалившись в кресле возле окна. Отдых организму необходим, а сон во время матча – понятие противоположное отдыху.

Максимилиан Фогер тоже когда-то пытался завоевать себе место под солнцем на ниве найтмаринга. Но места под солнцем примечательны тем, что на всех их обычно не хватает. Потерпев пару-тройку чувствительных поражений, Фогер вовремя решил завязать. Он начал зарабатывать деньги на других найтмарерах, что получалось у него, надо сказать, значительно лучше.

Сейчас он являлся одним из крупнейших спортивных функционеров планеты, и самой влиятельной фигурой в мире найтмаринга. Не будет преувеличением сказать, что ни одно событие, прямо или косвенно касающееся этого вида спорта, не проходило без его ведома. Фогер занимал видные посты во многих организациях, но даже все эти посты вместе взятые не давали полного представления о той власти, которую имел этот бывший найтмарер.

В данный момент Максимилиан Фогер был недоволен. В гостиной своего дома, точнее, одного из своих домов, он резким тоном говорил с невысоким пожилым улыбчивым человеком.

– Филип, ты ведь знаешь, люди прислушиваются к твоим словам.

– И правильно делают, вот все, что я могу сказать, – Филип Горинштейн, чью должность, не прибегая к официозу, правильней всего охарактеризовать как правая рука Фогера, небрежно пожал плечами.

– Прекрати, Филип! – Фогер раздраженно махнул рукой. – Среди букмекеров полная неразбериха.

– Я уверен, что ты сможешь извлечь из нее выгоду, Макс, – Горинштейн улыбнулся.

– Конечно, смогу, – пробурчал хозяин дома. – Но ты не должен делать такие заявления, не посоветовавшись со мной!

– Какие заявления? Я просто сказал то, что думаю.

– «То, что думаю!» – передразнил своего помощника Фогер. – А мне теперь приходится ломать голову над тем, что нам делать с последствиями того, что ты «просто сказал»!

– Все правильно. Именно поэтому ты – босс! – Филип улыбнулся еще шире.

Фогер еще какое-то время силился сохранить в себе остатки раздражения, но потом не выдержал и улыбнулся в ответ. Действительно, он сможет извлечь максимальную прибыль и из этой ситуации. Надо только как следует в ней разобраться.

– Ладно, Пи-Джи, давай начистоту. Что за дерьмо вытворяет Хилл?

– Честное слово, Макс, я не могу точно сказать. Хитрый финт, усыпление бдительности или передышка, а может, какая-то странная подготовка следующей атаки.

– Можно без всех этих тонкостей, Пи-Джи, – Фогер поморщился. – Скажи мне просто, кто фаворит и сколько еще продлится это шоу?

– На второй вопрос ответить проще. Я практически уве-

рен, что матч закончится в ближайшие пару дней – можешь смело исходить из этого. А вот кто победит... – Филип покачал головой. – Сам понимаешь, я не встречался с Хиллом.

– Зато с Зенторой ты разобрался одной левой. Ты знаешь, я просмотрел недавно запись того матча – в одну калитку.

– Это был еще не Зентора, – Филип улыбнулся несколько меланхолично. – Но игра складывалась совсем не так просто, как кажется с экрана терминала. Парню тогда явно не хватало стойкости, не было практически никакой техники, но проблески были такие... Когда через пять лет он отправил в санаторий Шмидта, я совсем не удивился.

Фогер посмотрел на часы.

– Зентора сейчас как раз должен атаковать. Не желаешь взглянуть?

Не дожидаясь согласия, Макс щелкнул пальцами, включая экран. Несколько минут они наблюдали происходящее молча.

– Не впечатляет... – проговорил, наконец, Фогер. – Наверное, ты был прав, Хиллу удалось заставить Зентору ослабиться.

– Все может быть, все может быть, – не стал спорить Горинштейн. – Хотя... помнишь, в позапрошлом году Зентора нокаутировал Богдана? Тогда никто так и не понял, как ему это удалось. И я в том числе.

Филип постоял еще немного, глядя на экран, потом повернулся к двери.

– Пойду я, Макс. Надо мне встретиться с человеком, который обещал добыть кое-какие сведения от тренера Хилла. До вечера.

– До вечера. Да, Пи-Джи! – окликнул помощника Фогер. – Мне все время было интересно, но как-то не мог собраться и спросить. Говорят, ты уникальное явление среди найтимре-ров. Это правда, что ты не испытываешь ненависти к своим бывшим соперникам?

Филип посмотрел на босса со своей обычной улыбкой на лице.

– Как ты мог поверить в такую чушь, Макс?

Когда я, наконец, обретаю способность воспринимать окружающий мир, выясняется, что мои пальцы настолько крепко вцепились в простыню, что я не могу их разжать. Сердце выскакивает из груди, в каждом из висков работают по паровому молоту, со всей дури стучащих в мой мозг.

Постепенно удастся чуть-чуть расслабиться и выпустить простыню из рук. Второй раз за матч мне хочется нажать на белую кнопку. Но сейчас мне этого хочется *очень* сильно! Ничего, такие решения с наскока не принимаются. Не случайно кнопка капитуляции находится на кухне, подальше от кровати. Сейчас бы жажнул по ней, не раздумывая. Сначала я сделаю себе кофе. Потом я его выпью. Посмотрю ти-ви... Нет, сегодня не буду смотреть. Просто посижу спокойно и погляжу в окно. И решу.

Я встаю с кровати с трудом, ноги дрожат. Да что ноги, дрожит мелкой дрожью все тело. Водки бы я сейчас выпил, но нельзя. Кофе можно, а водку нельзя, глупость какая.

Из головы не выходит одна мысль: случайность или нет? Неужели Хилл каким-то образом смог прощупать мою серпентофобию? Она у меня в легкой форме, и обычно все «змеиные» атаки я выдерживал без особых хлопот. Но сегодня... Я не смог удержаться от быстрого взгляда вниз, удостовериться, что руки и ноги у меня имеются в наличии. Первый взгляд меня не убедил, и за ним последовал второй. Черт, да хватит уже этого идиотизма! – одергиваю я себя после третьего взгляда.

Иду на кухню. Людям с различными фобиями в найтмаринге делать, по большому счету, нечего. Возможно, я единственное исключение. Но о моей боязни змей не знает ни один человек в этом мире. Даже тренер. Я ему доверяю, как самому себе, но в мире, где крутятся такие деньги, себе верить тоже нельзя. То есть, узнать или купить эту информацию Хилл не мог. И я снова гадаю: случайность или нет?

Если нет, то надо жать на белую кнопку. И, скорее всего, уходить из спорта. Я задумчиво разглядываю вмонтированную в кухонный стол большую круглую клавишу. Белая кнопка – она может быть любого цвета. У меня – синяя. Под ней маленькая клавиатура. Набрать простенький восьмизначный пароль, надавить на кнопку и – свободен. Можно пойти в море искупаться, а не нравится это море – чего стоит

махнуть на Канары. Или еще куда.

В комнату я решаю не идти. Пью кофе на кухне. Думаю. И принимаю соломоново решение. Провести сегодня последнюю атаку, а если она не принесет результат... Ну что ж, не все матчи можно выиграть. А с уходом из спорта еще подумаем, чего горячиться.

Забавно, такое решение кажется абсолютно естественным. К чему сразу сдаваться, когда можно предпринять еще одну атаку, которая ничем тебе не грозит? Логично, не правда ли? Однако в семидесяти процентов случаев белую кнопку давят после атаки соперника, а не своей. Спрашиваете, почему? Попробуйте поиграть. Может быть, у вас будет точный ответ, у меня он отсутствует.

Сегодня я не иду к окну и не сажусь в кресло. Хожу по комнате, поминутно кидая нервные взгляды на шлем, в ожидании, что красный огонек сменится зеленым. Атаку я не готовлю, она родилась в моей голове мгновенно. Временами она кажется мне очень опасной, иногда – нелепой и безобидной. Но менять ее на другую я не буду.

И вот, наконец... Долгожданный зеленый огонек. Хилл заснул. Приятных тебе сновидений, приятель. Я надеваю шлем. Закрываю глаза. Слышатся невнятные шумы, затем легкий щелчок коннекта.

Теперь, при посредстве вмонтированного в его кабине дрим-генератора, сознание спящего человека беззащитно передо мной.

Я могу отправить Хилла куда угодно. В те места, которые есть в этом мире, в те, которых нет и даже в те, которых в принципе быть не может.

Я могу делать с его телом – не настоящим, конечно, но тем, которое он будет воспринимать как настоящее – все, что мне заблагорассудится.

Но я делаю совсем простую вещь. Николас Хилл – это теперь Роберт Зентора. Тот самый, который несколько часов назад проснулся после сильнейшей атаки Хилла. Тот самый, который подвержен серпентофобии. Тот самый, который хотел нажать на белую кнопку, но решил немного повременить. Тот самый, что ведет сейчас атаку на Николаса Хилла, и убеждает его, что он – Роберт Зентора. Тот самый...

Цикл, еще цикл...

Четкая, устойчивая связь вдруг начинает рваться, сменяясь размытыми, неясными образами. Я знаю, что это означает, и снимаю шлем. Я не чувствую радости, потому что я – человек. Но я не испытываю и чувства вины, потому что найтмаринг – жестокий спорт. И еще потому, что я ненавижу Николаса Хилла. Даже сейчас ненавижу.

Вдруг мне в голову приходит чертовски забавная мысль. Настолько забавная, что я не могу удержаться от улыбки. А может быть, я – это спящий Николас Хилл, и ненавижу я Роберта Зентору? Который убедил меня, что я – это он? Который...

Я уже не улыбаюсь. Нет. Я хохочу изо всех сил. Я захле-

бываюсь в смехе.

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Так действительно бывает чаще всего. Когда же мечтаешь поймать хотя бы одного зайца, а к тебе в руки идут сразу два... Повезло, – пожимают плечами одни. Невероятно повезло, – радуются вторые. Именно невероятно, – качают головой наиболее умудренные опытом, – не иначе, это было выгодно самим зайцам.

Но таких немного. Когда к толпе журналистов, с ночи дежуривших возле здания Всемирной Ассоциации Найтмаринга в надежде увидеть либо Фогера, либо Горинштейна, вышли сразу оба, ажиотаж был колоссальный. Но мало кто видел в этом больше, чем счастливое стечение обстоятельств. Между тем и бог, и полубог найтмаринга явно не возражали против небольшой беседы с акулами пера.

Первым был атакован Горинштейн. С обычной своей улыбкой, которая в соответствии с обстоятельствами приняла несколько печальный оттенок, он охотно давал подробные пояснения.

Что все-таки сделал Зентора? О, этот великий спортсмен далеко не всегда понятен окружающим... Да, вы правы, к сожалению, теперь правильней говорить: «был понятен»... В двух словах, то, что он сделал можно назвать рекурсивной программой, то есть программой, обращающейся к самой себе... Трудно сказать, почему этот ход возымел такое

действие, для этого нужно быть Робертом Зенторой... Нет, я не думаю, что подобный прием будет взят кем-либо на вооружение. Во-первых, все нюансы известны только Роберту, во-вторых... думаю, последствия отпугнут охотников повторить этот трюк, сами понимаете... Да, взаимный нокаут не только редчайший, но попросту уникальный случай в практике найтмаринга... Безумно жаль талантливейших спортсменов, безумно...

Филип, казалось, готов отвечать на вопросы сколь угодно долго, но внимание репортеров постепенно переключалось на его босса.

– Мистер Фогер, всем известно, что вы вложили в Хилла немалые деньги...

– Я вкладываю деньги в спорт. Прежде всего в найтмаринг, – Фогер не улыбался, но и не отказывался от комментариев. – Считать, сколько из них пошло на Хилла, сколько на Зентору...

– Ну, свои затраты на Зентору вы успели окупить с хорошими процентами, не так ли, мистер Фогер? – жирный смешок.

– Я бизнесмен и никогда не претворялся благотворительной организацией. Разумеется, я инвестирую средства с целью получения прибыли.

– И все-таки?

– Если вам так уж необходимо это услышать от меня, да, за свою блестящую карьеру Роберт Зентора принес немалые

дивиденды тем, кто верил в него с самого начала, в том числе и мне. Но сегодня очень грустный день, и стоит ли все время говорить о деньгах? – укоризненный взгляд вышел на загляденье.

– Вы правы, Макс, тем более, теперь уже никто не сможет заработать ни цента на Зенторе и Хилле.

Фогер выдержал паузу. Хотя, в сущности, никто не задавал ему никакого вопроса, вдруг неожиданно повисла тишина – чувствовалось, что сейчас что-то будет сказано. Что-то очень важное.

– Вот вы все считаете меня бездушным денежным мешком, – Фогер говорил тихо, чуть склонив голову и глядя на носки своих туфель. – Знаете, наверное вы правы. Меня в самом деле прежде всего интересует выгода. Почти всегда. Но сейчас я сделал все для того, чтобы обеспечить двум замечательным спортсменам, отдавших себя целиком найтмарингу, надлежащий уход до конца их дней. Или до полного выздоровления – доктора полагают, что шанс на это есть. Мизерный, но все-таки есть. Давайте молиться, чтобы чудо все же произошло.

– Зентора и Хилл будут помещены в санаторий во Флориде? – никто не понимал, куда клонит Фогер, излагая всем известные вещи. И вопрос был почти риторический – другого санатория для бывших найтмареров пока не существовало.

– Разумеется. Но они будут не только в одном санатории. Доктор Велберг, один из ведущих специалистов в лече-

нии подобного рода заболеваний, высказал мнение, что оптимальным решением в сложившейся ситуации будет помещение Зенторы и Хилла в одну палату...

– Зентора и Хилл в одной палате?! – этот вопрос выдохнуло сразу несколько репортеров. Остальные стояли, раскрыв рот.

– Да. Я не мог не прислушаться...

Последние слова Максимилиана Фогера потонули в жутком гвалте и топоте ног. Десятки человек расталкивали друг друга и неслись к своим машинам, доставая на ходу телефоны. Через минуту на месте недавнего скопления народа в полной тишине стояли двое. Филип Горинштейн улыбался. На этот раз сложно было сказать, что выражала его улыбка.

– Ты все сделал здорово, Макс.

– Грех не воспользоваться такой идеей. Спасибо, Пи-Джи!

ВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА

Апокалипсис... А-по-ка-лип-сис.

До чего крепко увязло слово в голове – битый час выкинуть не могу. Как маленькая липкая бумажка, приклеившаяся к пальцам – трясى рукой, не трясى, никак не избавишься.

Апокалипсис.

Самое странное – в душе нет ни боли, ни злости. Пустота. Даже страха, можно сказать, нет. Изредка налетит внезапным порывом леденящий ужас, сожмет костлявой рукой сердце – и тут же отпустит. Все. Снова пустота. Только опять и опять тянет посмотреть на экран, что там наверху. Как будто что-то может измениться...

Апокалипсис.

Дурацкое слово, почему оно прилипло именно ко мне? Я ведь никогда не был особо религиозен... Да чего там, атеистом всегда был. А сейчас? Сейчас, наверное, самое время начинать верить в Бога. В последние дни жизни. Но я еще не успел как следует обдумать этот вопрос. Все-таки, умру я, скорее всего, еще не завтра, разобраться в себе успею.

Апокалипсис.

Наверное, сегодня все газеты вышли бы с таким заголовком. Ну, не все, но многие. Только газет больше нет. Ничего больше нет. Даже людей. Кучка выживших счастливицков не в счет. Сколько их всего, интересно? Бронич считает, что

порядка двух-трех тысяч. Я думаю, он преувеличивает. Не может быть так много фанатиков, вроде него, или случайно оказавшихся в подходящем месте, вроде меня. Сотня-другая... от силы.

Впрочем, какая разница? Сколько бы их... нас не было, все мы обречены. Мы тоже покойники не намного живее тех, что сгорели в адском пламени последней войны.

Фу, какой безобразный штамп!.. Стоило подумать о газетах, мысли пошли – соответствующие. Не надо думать о газетах. Не надо думать о том, чего больше нет и никогда уже не будет. О газетах, кино, футболе... о людях.

Чушь какая! О чем тогда думать? О том, что выжженная земля еще лет двадцать будет таить в себе невидимую, но смертельную опасность для человека? О том, что скоро все случайно выжившие умрут от самого банального голода, даже если найдут укрытие от радиации? Об этом бункере – комфортабельном свинцовом гробе, зарытом в землю? О тусклой лампочке над головой? О Брониче?

Вот о Брониче думать не следовало. Он тут же нарисовался в дверях со своей обычной полуулыбкой на лице, а мне хотелось побыть одному. Интересно, это у него нервный тик, или Бронич действительно находит в сложившейся ситуации нечто забавное?

– Бронич, а ведь ты идиот, – поприветствовал я его.

Он внимательно посмотрел на меня своими совиными глазами. Зрение у Бронича стопроцентное, но впечатление

всегда такое, словно он только что снял очки и ничего вокруг не видит.

– Я тоже рад тебя видеть, Джефф! Не приведешь ли полностью цепочку умозаключений, которая привела тебя к столь печальному выводу?

Дьявол, как же меня раздражает его манера говорить! Я выдохнул и с трудом взял себя в руки. Никогда раньше не раздражала, напомнил я себе. А сегодня... сегодня меня будет раздражать все, что угодно. И Бронич в этом совсем не виноват. В конце концов, я пока что жив только благодаря ему.

– Пожалуйста! – я широко улыбнулся. Вернее, оскалился. – Ты построил себе этот склеп, потому что боялся ядерной войны, так?

– Почти, – Бронич тоже улыбнулся. – Мое жилище ты можешь называть склепом, если тебе так больше нравится. Но я не боялся войны. Я *знал*, что она случится.

– Допустим, – я махнул рукой. Никогда не спорьте с фанатиками... тем более, когда они оказываются правы. – Пойдем дальше. Вчера ты мне убедительно доказал, что, следующие двадцать лет людям на Земле нечего будет кушать, даже если у них есть убежища, как у тебя... у нас с тобой. Я опускаю ненужные подробности...

– Правильно! Ты все излагаешь исключительно точно, – Бронич радостно закивал головой. Кретин какой-то... – Через какое-то время на поверхности можно будет находить-

ся без фатальных последствий. Но вот есть то, что растет на земле, еще пятнадцать-двадцать лет нельзя.

– Так какого же дьявола... – мой голос взвился помимо моего желания и я с усилием чуть приглушил громкость. – Какого такого дьявола ты не запасся продуктами на эти двадцать лет?

– На одного? – тихо и вкрадчиво спросил Бронич?

– Что? – не понял я.

– Я спрашиваю, мне нужно было забивать свой бункер провиантом на два десятка лет исходя из расчета на одного человека? – он смотрел мне в глаза чуть склонив голову набок. Ну, точно сова!

До меня дошло, куда он клонит. Поэтому я не нашелся, что ответить.

– Итак, я аккуратненько складываю в своем чулане продукты на двадцать лет. А незадолго до часа Икс ко мне по счастливому стечению обстоятельств заходит мой добрый приятель Джефферсон Маклин. Так ведь и случилось на самом деле, правда? Что же дальше? Мы живем с ним вместе, поглощая запасы из чулана. Идиллия! Но мы оба знаем, что их не хватит на двоих! И вот, в одно прекрасное утро, я просыпаюсь в своей постели с перерезанным горлом. Печально, друг мой, очень печально! – Бронич сокрушенно покачал головой.

Любопытно, как бы ему это удалось? Проснуться с перерезанным горлом? Или это проявление его атрофированно-

го чувства юмора? Но, он прав, конечно, прав.

– Да ну... Что ты такое говоришь, – пробормотал я, не глядя, однако, в глаза собеседнику.

– Не надо, Джефф, не надо! – Бронич замахал в воздухе своими короткими толстыми руками. – Не стоит оправдываться, не стоит прятать глаза. Инстинкт выживания – это такой фактор, бороться с которым невероятно сложно. Между прочим, очень может быть, я бы первым решился запустить немного воздуха в твою яремную вену. И в конце концов, я не стал делать запасов совсем по другой причине.

– Вот как? По какой же, позволь узнать?

– У меня есть кое-что получше, нежели тонны консервов! – Бронич выпятил и без того выпирающий живот и пару раз гордо хлопнул глазами.

– Цианистый калий? – спросил я, зевая. В эту ночь мне так и не удалось заснуть.

– Ха! Ты не растратил своего чувства юмора, Джефф, это приятно. Правда, оно приобрело у тебя черный оттенок, но ведь это простительно в свете последних событий, не правда ли? Давай позавтракаем, друг мой, и твои мысли станут гораздо светлее.

– Сомневаюсь, – снова зевнул я. – Но ты собираешься сказать мне, что у тебя есть такого, что заменит нам запасы продуктов?

– Собираюсь, Джефф, непременно собираюсь! – Бронич уже суетился возле холодильника. – Но только после еды. Я

великолепно выпался и теперь зверски голоден.

– Бронич... ты – чудовище! – я сглотнул.

– Почему? – он отвлекся от своих манипуляций с яйцами и ветчиной и посмотрел на меня, сложив руки перед собой. – Почему, Джефф? Потому что не заламываю руки в великой скорби о человечестве? Потому что ночью не обливал слезами подушку, а использовал ее по прямому назначению? Потому что могу испытывать голод, нормальный человеческий голод? – Бронич немного помолчал, будто ожидая от меня ответа. – Я прагматик, Джефф, и не скрываю этого. Когда сделать что-либо не в моих силах, я ничего не делаю. Я не могу помочь миллиардам погибших людей. Я не мог им помочь и до катастрофы, хоть и был уверен в ее неизбежности. Что ты от меня хочешь? Зато, – он поднял палец вверх, – я смогу помочь тем, кто выжил.

– Всем? – тупо спросил я.

– Всем!

– У тебя мания величия, Бронич.

– Запомни, Джефф, – Бронич вдруг весело подмигнул, – у великих не может быть мании величия. Просто по определению.

– У тебя яичница подгорает, о великий Бронич, – я вздохнул и оперся локтями о стол.

Все же, не скрою, мне было крайне любопытно, что придумал этот полусумасшедший бывший ученый. Но выпытывать я не стал. Если Броничу пришла в голову идея помучить

меня, заставляя расспрашивать и выклянчивать ответы, я не собираюсь ему подыгрывать. После завтрака, так после завтрака.

Насчет яичницы я сказал, только для того, чтобы поддеть Бронича. На самом деле подгорать она и не думала. Вообще, завтрак получился просто-таки шикарный – хозяин бункера обошелся с содержимым своего холодильника с преступной расточительностью. Кроме яичницы с ветчиной на столе появились тосты, мармелад, сливочное масло, огромные стаканы с апельсиновым соком и дымящийся кофейник.

Бронич накинулся на еду с таким остервенением, словно участвовал в соревновании по скорости истребления пищи. Я смотрел на него с удивлением, хотя, признаюсь, сам испытывал голод в большей степени, чем мне казалось.

Но мысли мои, все же, были заняты другим.

– Как ты думаешь, где выжило больше народа?

– Брр! – Бронич на миг замер в неподвижности. – Разве можно за завтраком говорить о таких вещах?

– Я говорю о том, что думаю, – я вновь почувствовал раздражение.

– Будь так любезен, постарайся думать о чем-нибудь другом, хотя бы еще пять минут. За это время я успею покончить со своей порцией.

– Да уж, такими темпами... Но все же, Бронич. Тебе не кажется, что проще ответить и отвязаться от меня?

– Очень может быть, – Бронич издал тягостный вздох и

продолжал говорить с набитым ртом. – Очевидно, что Северную Америку, Европу и большую часть Азии проутюжили так, что выжить могли только единицы. С Южной Америкой дела, по всей видимости, обстоят ненамного лучше. В этом отношении наиболее благополучными должны быть Африка и Австралия. Если, конечно, не брать во внимание Антарктиду, которую, вероятней всего, вообще не трогали.

Я кивнул. Пусть я не готовился, подобно Броничу, к войне все последние годы и не тратил кучу времени за сбором и сортировкой соответствующей информации, логика подсказывала мне схожие выводы.

Выходит, частично за то, что я все еще жив, я должен благодарить удачно выбранное место проживания. Хотя, ничего я не выбирал, я здесь родился. А вот Бронич... Я аж поперхнулся куском тоста.

– Бронич, – сказал я, откашлявшись. – Скажи, ты ведь переехал сюда лет пять назад?

– Четыре. Даже чуть меньше.

– Ну, все равно. Значит, ты еще четыре года назад предвидел все это? – я неопределенно махнул рукой вверх, в сторону истерзанной поверхности планеты. – Предвидел и именно поэтому перебрался в Австралию? Так?

– Не совсем, – он покачал круглой головой, густо намазывая хлеб маслом. – Я знал о неизбежности Третьей Мировой намного дольше четырех лет. Просто раньше не имел возможности уехать.

— Здорово... — я сам не понял, какой смысл вкладывал в это слово. — Чего ж ты в Антарктиду не слинял?

— Там холодно, — Бронич ответил с полной серьезностью.

— Холодно, — я пожал плечами. — Можно подумать, в России тепло.

— В России? — Бронич вытаращился на меня с таким изумлением, словно я вдруг превратился в бородатого гнома. — Но я никогда не был в России!

Почти с минуту мы смотрели друг на друга с открытыми ртами. Потом Бронич захохотал.

— Восхитительно, поистине восхитительно! Ведь мы знакомы больше трех лет! Я серб, Джефф, серб. Из Сербии. Знакома тебе такая страна?

Я поспешно кивнул, хотя не был до конца уверен, что представляю себе, о чем идет речь. В Восточной Европе в последнее время черт ногу сломит, столько новых стран... было, — поправил я себя.

Наверное, нужно извиниться.

— Прости, Бронич. Просто я был знаком с одним русским... ну да, точно русским. Так его тоже звали Сви... Свати...

— Святослав, — Бронич прервал мои мучения. И вдруг, ни с того, ни с сего, разразился новым приступом хохота.

— Ты чего?

— Ничего, ничего... И ты меня прости, — Бронич вытирал рукавом навернувшиеся слезы. — В Белграде у меня был од-

ни студент, из ЮАР. Его звали... его звали... Джефф! Но я ни разу за все время нашего с тобой знакомства не предположил, что ты... — Бронич захлебывался в смехе и едва мог говорить, — что ты — зулус!

По правде говоря, мне этот факт не казался достойным такого бурного выражения эмоций, но из солидарности я улыбнулся.

Наконец, и Броничу надоело смеяться.

— Еще раз прости, Джефф! И... спасибо! Разрядка — это очень хорошо при сложившихся обстоятельствах. Давай теперь закончим завтрак и пойдем в мой кабинет, тебе надо кое на что взглянуть. Джефф! — он неожиданно повысил голос и укоризненно покачал головой. — Прекрати смотреть на этот несчастный кусок ветчины с видом мученика! Растянуть его на двадцать пять лет тебе все равно не удастся. Расправься с ним поскорее, мне не терпится приступить к делу. Кстати, поверь мне, плотный завтрак окажется тебе весьма небезопасным.

Бронич принялся так внимательно наблюдать за моей трапезой, что я проглотил остатки завтрака практически не разжевывая. Невозможно спокойно есть, когда тебе смотрят в рот. Впрочем, моя поспешность в какой-то степени объяснялась еще и желанием поскорей увидеть, что же такое прячет он в своем кабинете.

Я пытался строить догадки, но абсолютно ничего не смог придумать. От этого нетерпение мое еще усилилось, и уже

через минуту мы с Броничем вошли в его кабинет.

До этого дня я почти никогда не бывал здесь. Кабинетом Броничу служила комнатуха, обставленная предельно просто и функционально: письменный стол, кресло и книжный шкаф. Шкаф был забит литературой научного содержания. На столе располагались две аккуратные стопки бумаги, три гелиевые ручки, закрытый ноутбук и присоединенная к нему странного вида жестяная коробочка.

Вообще-то, порядок в кабинете можно было бы назвать идеальным, если бы не эта коробка. Она вносила долю того хаоса, который по представлениям большинства людей должен царить в кабинете ученого.

Надо сказать, с этой задачей скромное жестяное изделие, объемом менее половины кубического фута, справлялось блестяще. Саму коробочку было непросто разглядеть из-за путаницы разноцветных проводов, торчащих откуда только возможно металлических стержней, скоб, стеклянных трубок, катушек, реле, конденсаторов и прочих деталей.

Общее впечатление было чудовищным. Каким-то шестым чувством я понял, что Бронич привел меня, чтобы продемонстрировать именно эту коробку. Но я бы и с десятой попытки не смог догадаться, что же, черт побери, это такое.

– Садись, Джефф.

– Куда? – я озадаченно осмотрелся.

– Э-э... Действительно. Ну, садись на кресло, а я пока постою.

Я не стал спорить и устроился в кресле, отодвинув его в угол комнаты, чтобы иметь возможность видеть одновременно и Бронича, и нелепую коробку.

– Вот Джефф, – предчувствие меня не обмануло, Бронич показывал именно на коробку. – Ты можешь лицезреть то, что не только спасет наши с тобой жизни, но и позволит выжить оставшейся части человечества.

– Прекрасно, прекрасно, – я потянулся в кресле. – Если ты теперь скажешь, что это, я буду тебе очень признателен.

– Разумеется, скажу, Джефф, ведь за этим я тебя и привел в свой кабинет. Все очень просто, это – машина времени!

Бронич гордо посмотрел на меня, ожидая реакции. На что он рассчитывал, интересно? На аплодисменты? Ни крики «браво» и слезы радости?

– Машина времени? – переспросил я сухо.

– Да.

– Здорово! Именно такой я ее себе всегда и представлял. Это – коробка из-под печенья?

– Из-под мармелада.

– Конечно! Ну, конечно, из-под мармелада! Я должен был сам догадаться, что коробка из-под печенья для этой цели не подходит.

Похоже, до Бронича дошел мой сарказм.

– Извини, Джефф, – он развел руками. – У меня не было возможности наладить серийное производство машин времени. Впрочем, этой одной нам будет вполне достаточно.

Несмотря на ее несколько неказистый вид.

— Да к дьяволу вид! — пока еще я был довольно спокоен. — Знаешь, Бронич, я ведь всегда считал тебя наполовину чокнутым. Я заблуждался.

— Брось, Джефф, — Бронич махнул рукой. — Ты никогда...

— Какой на хрен «наполовину»! — я, наконец, взорвался. Выплеснулось копившееся напряжение. — Ты свихнулся на сто, на двести, на тысячу процентов! Господи, машина времени! — я закрыл лицо руками. — Примерно час назад я сказал тебе, что ты идиот?

— Сказал...

— Так вот, я тебе льстил!

Говорить что-то еще не хотелось. Хотелось уйти отсюда куда-нибудь подальше, туда, где меня не сможет найти Бронич. Увы, исполнение этого желания сопровождалось бы таким количеством полученных миллирентген, что смерть от голода покажется приятной.

А ведь чего я так завелся? Потому что, когда шел за Броничем в его кабинет, надеялся. На что — сам толком не пойму. Анабиозные ванны? Таблетки, заменяющие недельный рацион питания? Поди разбери... Но все же Бронич, несмотря на относительную молодость, когда-то был ученым с мировым именем, если верить ему самому. А если не ему, то десятку книг на разных языках с его фамилией на обложке.

И вот я прихожу сюда и убеждаюсь, что экс-светило науки съехало-таки с катушек окончательно и бесповоротно. Тон-

кая и хрупкая надежда, за которую я цеплялся из последних сил, выскользнула из дрожащих рук и с оглушительным звуком разбилась о коробку из-под печенья... то есть, да, из-под мармелада.

– Ожидаемая реакция, – раздался вдруг над головой совершенно спокойный голос Бронича. – Вполне естественная, особенно если учесть твое близкое к прострации состояние. Скажи только, Джефф, что явилось первопричиной этой легкой истерики? Твоя уверенность в абсурдности идеи машины времени или же ее не слишком презентабельный внешний вид?

Я только махнул рукой. Пойти поспать, что ли?

– Вероятней всего, эти две позиции сложились одна с другой, – Броничу, похоже, мой ответ не очень-то и требовался. Он продолжал свои рассуждения сам, обращаясь тем не менее ко мне. – То есть, основой, по всей видимости, была именно кажущаяся антинаучность машины времени, а неуклюжее оформление послужило своего рода катализатором.

Наверное, он получал удовольствие от своей болтовни. Мне было скучно.

– Реальность и фантастика... Они так тесно переплелись в последнее время, что обывателю – надеюсь, ты простишь мне, Джефф, это слово, ведь я не вкладываю в него совершенно никакого негативного отношения – так вот, обывателю почти невозможно без посторонней помощи разобраться, где же проходит грань между возможностями науки и ба-

нальным вымыслом. Шарлатаны научились ловко маскировать свои детища под научные факты, а наука стала слишком похожа на сказку.

– Бронич! – я откровенно и очень невежливо зевнул. – Ты эту речь репетировал, что ли?

– Ну... – Бронич смутился. – В какой-то степени.

– Кончай треп. Тоскливо.

– Н-да, – он почесал затылок. – Перейду сразу к сути. Принципиальную возможность создания машины времени допускали многие ученые.

– Во главе с Броничем? – я скептически приподнял бровь.

– Хорошо! – Бронич вдруг резко вскинул голову и рубанул ладонью воздух. – Опустим вводную часть. Как ты отнесешься к небольшой демонстрации? В конце концов, я знал, что без этого не обойтись.

– Демонстрируй, – я поудобней уселся в кресле. – Валяй!

Поверил ли я в машину времени? Нет. Стало ли мне интересно? Пожалуй... да. Люблю фокусы.

Бронич включил ноутбук, затем пошарил глазами по комнате, взял было со стола авторучку, но тут же передумал и вернул ее на место. Сделал он это небрежно, ручка скатилась на пол. Бронич кинулся было поднимать ее, на полпути передумал, выпрямился и посмотрел на меня.

Он суетился и здорово сейчас смахивал на сумасшедшего ученого их дешевой кинокомедии.

– Ты ведь носишь часы, Джефф?

Я вытянул вперед левую руку, закатав рукав.

– Замечательно... замечательно... Позволь, еще немного ближе, Джефф, – Бронич взял мою руку и подтянул почти вплотную к коробке из-под мармелада. – Что может быть символичнее для демонстрации... – бубнил он себе под нос.

Бронич отделил от коробки какой-то проводок, заканчивающийся загнутой в спираль медной проволокой. Этой проволокой он коснулся моих часов, другой рукой быстро и, по моему, не глядя, набирая что-то на клавиатуре.

– Снимаю структурный код, – пояснил он мне с серьезным видом. – Он точно идентифицирует любой предмет и является последним вектором пространственно-временного базиса.

– Континуума, – поправил я Бронича.

– Чего? – он удивленно вылутился на меня.

– Во всех книжках пространственно-временной континуум, – я постарался придать себе максимально строгое выражение лица.

– В каких книжках? При чем тут континуум? – редко мне приходилось видеть своего приятеля таким растерянным.

– В фантастических.

– А! – такое впечатление, что Бронич испытал облегчение. – Я же говорил, сказка и быль... Но я фантастику почти не читаю. Разрешешь мне продолжить? – он убрал, наконец, свой щуп от моей руки.

– Пожалуйста, – великодушно позволил я.

– Смотри на свои часы, Джефф, внимательно смотри! – Бронич ослабился. – При желании можешь даже крепко взяться за них второй рукой, это ни в коем случае не буде препятствием.

Братся за часы я не стал, но глядел во все глаза. Очень уж уверенно выглядел Бронич.

Он тем временем отвернулся от меня, прямо-таки демонстративно отодвинувшись подальше. И невероятно кичливым жестом нажал на какую-то кнопку ноутбука.

Часы исчезли.

Растворились в воздухе.

Растаяли.

Без каких-либо звуковых или световых эффектов. Лишь руку обдало слабым ветерком. На запястье быстро исчезал след от браслета.

– Ни хрена себе! – выразил я всю глубину переполнявших меня чувств.

– Вуаля! – Бронич выписал обеими руками какие-то немыслимые кренделя и расплылся в мерзкой довольной гримасе.

– Чего «вуаля»? – я засопел. – Где мои часы, Копперфильд?

– В прошлом, Джефф, в прошлом, – если он улыбнется еще хоть немного шире, уголки губ повстречаются на затылке. – Не волнуйся, вернутся, – Бронич кинул взгляд на монитор, – через двадцать секунд.

Двадцать секунд мы молчали.

Зачем часы без всякого предупреждения возникли на моей руке. Зафиксировать этот момент я не сумел, как ни старался.

– Ни хрена себе... – вроде бы, я это уже недавно говорил. Но что поделать, если именно эта нехитрая фраза вернее всего отражала роящиеся в голове мысли.

Я почесал макушку.

– Это что же, так и стену в магазине можно убрать? – спросил я.

– Да что стену!.. – Бронич вдруг остановился на полуслове и удивленно посмотрел на меня. – Какую стену? Откуда такие мысли, Джефф?

– Бог его знает, – я, если честно, сам удивился. – Навеяло чего-то. Какие теперь стены...

– Действительно, – Бронич сложил губы бантиком и неторопливо поворачивал глазами. – Вот, Джефф. Исчезновение и появление часов – твоих часов, заметь – ты видел собственными глазами. Теперь перед тобой стоит любопытная, я бы сказал, дилемма. Считать ли доброго старика Бронича адептом черной (или белой, как хочешь) магии либо все же смириться с существованием машины времени. Я со своей стороны искренне рекомендую принять именно второй вариант. Хотя бы потому, что очень скоро ты будешь иметь еще более веские доказательства его истинности.

– Да-а... – пока это было все, что я мог сказать.

Но, как ни странно, Бронич увидел в моем ответе то, что хотел увидеть.

– Молодец, Джефф! Я всегда считал тебя человеком пусть слегка невежественным, но обладающим тем не менее живым и гибким природным умом.

– Постой! – я, наконец, с грехом пополам придал разбегающимся мыслям в своей голове отдаленное подобие порядка. – Но ведь если это... Надо лететь... или... дьявол, как это назвать?! В общем, надо переместиться во вчерашний... или лучше в позавчерашний день и предотвратить!..

М-да, мне казалось, что я все-таки собрался с мыслями... Но Бронич меня понял.

– Невозможно, Джефф, – он печально покачал головой. – Невозможно по трем причинам. Во-первых, есть существенное ограничение на перемещения во времени. Два объекта с идентичным структурным кодом не могут существовать одновременно. Из этого следует, что ни ты, ни я не сумеем попасть не только во вчерашний день, но и вообще в любой момент времени после нашего рождения. Во-вторых, если бы нам это и удалось, что бы мы смогли сделать? Подумай, Джефф, кто стал бы слушать пару сумасшедших, предрекающих завтра конец света? Сколько уже было таких юродивых?... да и не только юродивых, наверно... И в-третьих, это самое главное. Реальность, Джефф, она неизменна. Выйди в гостиную, посмотри в обзорный экран. Ты увидишь то, что мы сегодня имеем. Это свершилось, Джефф, как ни печаль-

но, и никто не в силах что-либо поправить.

– Ты хочешь сказать, что прошлое изменить нельзя? Даже при помощи машины времени? – я недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Ни прошлое, ни настоящее. Менять мы в силах лишь наше будущее, но машина времени для этого не нужна. Кстати, путешествие в будущее действительно невозможно в принципе. А настоящее уже существует, оно незыблемо, так как является следствием бесчисленного ряда причин, имевших место в прошлом, то бишь уже свершившихся.

– Но как же так? – я порывисто вскочил с кресла. Забавно, несколько минут назад я не верил в машину времени и называл ее создателя психом. А сейчас спорю с ним по поводу возможностей его детища. – Как же так? Если я отправлюсь в далекое прошлое и хотя бы раздавлю там бабочку...

– Опять фантастика, – Бронич снисходительно улыбнулся. – Послушай себя, Джефф! Ты говоришь о прошлом, а употребляешь глагол будущего времени! «Раздавлю»... Раздавил, Джефф, раздавил! Если ты в прошлом раздавил бабочку, это уже случилось. Будь это позавчера или за миллион лет до нашей эры. Сей факт уже записан на скрижалях истории, если ты позволишь мне высказаться столь витиевато. Отправляйся в прошлое, Джефф, и дави бабочек тысячами или займись чем-нибудь еще в своем вкусе, ты непременно сделаешь именно то, что просто обязан сделать. Такой вот, в некотором роде, детерминизм. Кстати, хотелось бы

предостеречь от попыток каким-либо образом повлиять на известные исторические факты. Со стопроцентной гарантией из этой затеи ничего не выйдет, а причина, помешавшая этому, может быть весьма неприятной. До фатальности, — значительно добавил он.

— А что насчет парадоксов времени? — блеснул я эрудицией. Сдаваться не хотелось.

— Парадоксы! — Бронич всплеснул руками. — Любые парадоксы есть всего лишь игра ума. Да, да, именно игра, а ум должен прежде всего работать. При посредстве различных умозаключений можно придумать всевозможные парадоксы. Но стоит только обратиться к верховному судье — Опыту, как от парадокса не останется и следа. «В некоем городе живет цирюльник, который бреет всех мужчин города, кроме тех, кто бреется сам. Вопрос: кто бреет цирюльника?». Замечательный парадокс, да?

Я на минуту задумался. В самом деле забавно!

— Интересно! И что ты на это скажешь?

— Что скажу? Милая шутка и ничего больше! Покажите мне этого парикмахера, познакомьте меня с ним, и я признаю этот парадокс парадоксом века. Но вся соль в том, что такого цирюльника нет и попросту быть не может. Так же обстоят дела и с так называемыми парадоксами времени. На словах — все, что угодно. На практике — никаких парадоксов.

— Ну, допустим, — я устал спорить. Спать все же хотелось дико. — Но как ты собираешься спасти нас, если прошлое

изменить невозможно?

– Неужели сам не догадываешься, Джефф? – Бронич улыбнулся и склонил голову набок.

– Сам... – я пожал плечами. – Я бы предположил, что ты переправишь нас на двадцать лет вперед, где мы без опаски сможем жить на поверхности. Но ты сказал, что путешествовать в будущее нельзя, – я пожал плечами еще раз. – Так что мне ничего не приходит в голову.

– Ну же, Джефф! – покровительственно покачал головой Бронич, – Остался всего лишь один маленький шажок мысли. Вспомни о своих часах.

Я не только вспомнил о часах. Я закатал рукав и долго на них смотрел. Я восстановил в памяти картину их исчезновения и появления. Какое это отношение имело к нашей проблеме, я не понимал. О чем и сказал Броничу в несколько раздраженном тоне.

Он посмотрел на меня сочувственно, отчего мое раздражение мягко говоря не ослабло.

– Джефф... Чтобы не потерять остатки уважения к твоим мыслительным способностям, мне придется сделать скидку на бессонную ночь. Мне хочется верить, что в противном случае ты обратил бы внимания на то, что часы на твоей руке появились не сразу же после исчезновения.

– Ну и что из того? – дьявол, с этим раздражением надо что-то делать! Пожалуй, лучшим способом избавиться от него был бы хороший свинг прямо в эту улыбчивую физио-

НОМИЮ...

Усилием воли я все же взял себя в руки. Сделать это было не так уж просто, если учесть, что Бронич после продолжительного молчания сокрушенно и в высшей степени оскорбительно покачал головой.

– Что из того... Часы отсутствовали в настоящем одну минуту, потому что ровно эту же самую минуту они провели в прошлом. Я задал такой промежуток времени. А мог задать две минуты, час, день... или двадцать лет.

– Что?! – я даже встал с кресла и теперь смотрел на собеседника сверху вниз. – Ты предлагаешь нам с тобой провести двадцать лет в прошлом?

– Не только нам с тобой, Джефф, но и всем выжившим жителям Земли, – с нарочитой небрежностью бросил Бронич и зыркнул на меня глазом, наблюдая за эффектом, вызванным своими словами. Думаю, я его не разочаровал в этом плане.

– А? Всем? Но как? – я собрался с силами и сделал-таки свою речь несколько более связной. – Каким образом? Будешь странствовать по свету в поисках людей?

– Нет, друг мой, конечно же нет, – если Бронич сейчас лопнет от гордости, я ни капельки не удивлюсь. – Мне удалось – и это открытие само по себе почти столь же масштабно, как изобретение машины времени – найти обобщенный структурный код для всех людей. Живых, разумеется. Пространственные координаты не имеют значения, все перенесутся в прошлое с того места, в котором они в данный мо-

мент находятся.

Что тут сказать? Все это не уместается в моей голове. По правде, после того, как я смог разместить там машину времени, места осталось совсем немного. Я решил плыть по течению, предоставить Броничу действовать, а самому не задавать лишних вопросов. Впрочем, без одного я все же не обошелся.

– А в какое время мы отправимся?

– Разумный вопрос, Джефф, над которым я долго думал. Сейчас я вкратце повторно пройдуся по тем размышлениям, что привели меня к ответу. Итак, – Бронич изловчился и устроился в кресле, так непредусмотрительно мной оставленном. – Если бы нас было только двое, я бы, вернее всего, предпочел какие-либо более или менее цивилизованные времена. Начало двадцатого века, например. Мы бы затаились и в течение двадцати лет вести тихую и размеренную жизнь рядовых обывателей. Но увы, остальные выжившие не присутствуют при этом разговоре. Было бы наивно думать, что, неожиданно переместившись в иное время, все они догадаются не привлекать к себе внимания. Нет, шум непременно будет поднят, и шум немалый.

– Ну и что? – не понял я. – Что в этом страшного?

– Джефф! – Бронич воздел очи гору. – Или ты меня совсем не слушал, или твой мозг совершенно потерял способности выполнять свои функции. Страшного в этом то, что такого просто не было в истории человечества! По крайней

мере, в последние столетия, когда в мире существовал какой-никакой обмен информацией. А то, что такого не было, может означать только одно – наша попытка провалится. Не хочу даже думать, почему и что при этом случится. Я просто не стану так рисковать.

– Ладно, не буду спорить, тебе видней, – махнул я рукой. – Значит, в цивилизованные века нам нельзя. Но, знаешь, в нецивилизованные мне как-то не хочется...

– Мне тоже! – ответ Бронича был для меня неожиданным. – Я сильно сомневаюсь в способности современного человека выжить в средневековье или древнем мире. Нет, там нам делать нечего решительно!

– Тогда... я не понял, – стоять надоело, и я присел на краешек стола. – В цивилизованные нельзя, в нецивилизованные – тоже... Куда же в таком случае?

– В доисторические, если позволено мне будет употребить этот термин, – Бронич откинулся на кресле.

– Позволено, позволено, кто ж тебе запретит, – пробурчал я. – Это к динозаврам, что ли?

– К динозаврам!.. Прости, Джефф, но мышление у тебя какое-то... узконаправленное. Почему к динозаврам? Зачем к динозаврам? На Земле было сколько угодно эпох, свободных от этих чудовищ. Вряд ли тебя можно упрекнуть в незнании такого простого факта. Так почему, почему сразу «к динозаврам»? – Бронич театрально потряс в воздухе руками. Трагик из него так себе, надо сказать.

– О'кей, Бронич. Рассказывай сам, я постараюсь не перебивать.

– Мне очень хотелось бы верить в твою искренность, Джефф. Значит, что необходимо нам – говоря нам, я имею в виду всех людей – чтобы выжить в прошлом? Пункт первый, – Бронич загнул большой палец на правой руке, – подходящий климат. Достаточно теплый, ровный и не слишком сухой или влажный. С этим все в порядке – периодов с такими погодными условиями на Земле было более чем достаточно. Пункт второй, – указательный палец последовал примеру большого, – проблема пропитания. Если выразиться точнее, отсутствие этой проблемы. Нам приходится уходить из настоящего, потому что здесь нечего есть, и было бы неразумно отправляться туда, где с пищей дела обстоят ненамного лучше. К счастью, и с выполнением этого условия особых трудностей не возникает. И, наконец, пункт третий, самый важный, – средний палец прежде присоединиться к загнутым коллегам выразительно покачался в воздухе. – Было бы очень неплохо, чтобы *мы* не стали решением чей-либо продовольственной проблемы. Проще говоря, в эпохе, которую мы изберем местом своей двадцатилетней ссылки, не должно быть крупных хищников, представляющих угрозу для человека.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – я криво усмехнулся. – Идеальный климат, вдоволь пищи и никаких хищников – ты говоришь о рае?

– Если хочешь – да! – физиономию Бронича от уха до уха вновь пересекла улыбка. – Многие ученые, наделенные склонностью к поэтическим сравнениям, называли эту эпоху именно так. Но позволь мне продолжить, осталось совсем немного.

Я сделал широкий великодушный жест рукой и даже подкрепил его несколькими энергичными кивками головы.

– Так... – Бронич собрался с мыслями. – Подходящим для нас временным интервалом является, само собой, пересечение трех множеств, удовлетворяющих каждому из трех условий. Что мы имеем в результате? А в результате мы имеем отрезок палеозоя длиной примерно в пятьдесят миллионов лет, включающий в себя средний и поздний девон и ранний каменноугольный период. После совсем недолгих раздумий я остановился на девоне. Именно его, кстати говоря, и называют иногда райским садом. Практически никаких наземных животных...

– Практически? – перебил я. – А если все же поподробней?

– Ну... – Бронич немного замялся. – Только пауки и что-то вроде скорпионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.